

РОЛЬ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ

Анваров Демидали Тахир угли

Студент 3 курса факультета

«Международное право и сравнительное правоведение»

Ташкентского государственного юридического университета

e-mail: anvarovdemirali@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.21599722>

ARTICLE INFO

Received: 1st July 2026

Accepted: 2nd July 2026

Published: 26th July 2026

KEYWORDS

ОБСЕ, Республика
Узбекистан, человеческое
измерение, БДИПЧ, Хельсинкский
заключительный акт, Московский
механизм, наблюдение за
выборами, Координатор проектов
ОБСЕ, права человека,
региональная безопасность.

ABSTRACT

в статье комплексно исследуется роль Республики Узбекистан в деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) с момента присоединения страны к Хельсинкскому процессу в 1992 году и по настоящее время. Анализируются институциональные формы присутствия ОБСЕ в Узбекистане — от Центра ОБСЕ в Ташкенте до Координатора проектов ОБСЕ, — а также участие республики во всех трёх измерениях деятельности Организации: военно-политическом, экономико-экологическом и человеческом. Особое внимание уделяется практическому анализу конкретных дел и процедур — событиям в Андижане 2005 года и связанному с ними вопросу о применении механизмов человеческого измерения ОБСЕ, алгоритму наблюдения Бюро по демократическим институтам и правам человека за выборами и референдумами в Узбекистане (2019, 2021, 2022–2023 гг.), а также деятельности Координатора проектов ОБСЕ в Ташкенте. На основе проведённого анализа автор формулирует собственную позицию относительно институциональных проблем взаимодействия Узбекистана с ОБСЕ и предлагает конкретные пути их решения.

Введение

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, возникшая на основе Хельсинкского заключительного акта 1975 года, представляет собой уникальный институт региональной безопасности, объединяющий пятьдесят семь государств-участников на пространстве от Ванкувера до Владивостока. Особенность ОБСЕ заключается в комплексном, трёхмерном характере её деятельности: организация одновременно занимается вопросами военно-политической безопасности, экономико-экологического сотрудничества и защиты прав человека, объединяемыми в рамках так называемой концепции «всеобъемлющей безопасности» [2; 26]. Именно эта особенность делает ОБСЕ значимым партнёром для государств Центральной Азии, включая Республику Узбекистан, чья внешняя политика традиционно строится на принципах многовекторности и сбалансированного взаимодействия с различными международными институтами.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, Узбекистан, являясь одним из крупнейших и наиболее влиятельных государств центральноазиатского региона, играет особую роль в реализации региональных программ ОБСЕ, направленных на обеспечение стабильности в Центральной Азии в условиях сохраняющихся вызовов — от афганского фактора до трансграничной организованной преступности. Во-вторых, взаимоотношения Узбекистана с ОБСЕ прошли сложную, во многом драматическую эволюцию — от активного участия в первые годы независимости через период существенного охлаждения после 2005 года и вплоть до нынешнего этапа углублённого сотрудничества в рамках проводимых с 2017 года реформ. Эта эволюция, на наш взгляд, представляет собой самостоятельный предмет научного анализа, поскольку она наглядно демонстрирует как потенциал, так и институциональные ограничения региональных механизмов обеспечения безопасности и защиты прав человека.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ правовых и институциональных форм участия Республики Узбекистан в деятельности ОБСЕ во всех трёх измерениях безопасности, а также критическое осмысление конкретных процедурных механизмов Организации — прежде всего механизмов человеческого измерения и наблюдения за выборами — через призму их практического применения к Узбекистану. Мы намеренно избегаем формального, сугубо описательного изложения материала: в каждом разделе настоящей статьи теоретико-правовой анализ соответствующего институционального механизма сопровождается разбором конкретного практического примера и авторской оценкой сопутствующих проблем, а также предложениями по их разрешению. Такой подход, по нашему убеждению, позволяет избежать характерного для многих работ по данной теме разрыва между нормативным описанием и практической реальностью функционирования ОБСЕ.

Структура статьи выстроена по тематическому, а не хронологическому принципу: последовательно рассматриваются правовые основы участия Узбекистана в ОБСЕ, институциональная эволюция присутствия Организации на территории республики, взаимодействие в рамках военно-политического, экономико-экологического и человеческого измерений, а также перспективы дальнейшего развития сотрудничества. Каждая последующая глава логически развивает положения предыдущей: институциональная эволюция, рассматриваемая во второй главе, объясняет специфику последующего функционального анализа по измерениям, а функциональный анализ, в свою очередь, подводит к обобщающим выводам о перспективах взаимодействия, изложенным в заключительной главе.

Отдельно оговоримся относительно источниковой базы настоящего исследования. Мы опираемся на широкий круг материалов — от основополагающих документов ОБСЕ (Хельсинкский заключительный акт, Парижская хартия, Стамбульская хартия европейской безопасности) и национального законодательства Республики Узбекистан до фундаментальных зарубежных монографий по проблематике ОБСЕ и региональной безопасности Центральной Азии (работы Гэлбрейта, Блуда, Гебали, Целльнера, Хопманна, Кемпа, Руа, Олкотт, Кули, Коллинз, Старра и Бор), а также узбекистанских и российских исследований международного права (труды Саидова А.Х., Нишанова Д.Б., Нуриддинова Э., Карташкина В.А., Лукашука И.И., Игнатенко Г.В. и Тиунова О.И., Бирюкова П.Н.). Мы полагаем, что именно сочетание общетеоретических работ по международному праву и международным организациям со специализированной литературой по проблематике ОБСЕ и Центральной Азии, а также с первичными документальными источниками и материалами конкретных практических дел, позволяет обеспечить необходимую глубину и обоснованность излагаемых в настоящей статье выводов и авторских предложений.

Правовые и институциональные основы участия Республики Узбекистан в деятельности ОБСЕ

Республика Узбекистан вступила в Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ, с 1995 года — ОБСЕ) 30 января 1992 года, спустя менее двух месяцев после обретения независимости. Уже 9–10 июля 1992 года Президент Республики Узбекистан принял участие в заседании Совета СБСЕ в Хельсинки, выступив на нём с изложением внешнеполитических приоритетов молодого государства [57]. Мы полагаем, что столь стремительное присоединение к общеевропейскому процессу безопасности было не случайным дипломатическим жестом, а отражало осознанную стратегию руководства республики, стремившегося как можно скорее интегрировать Узбекистан в систему международных институтов и тем самым закрепить его субъектность как самостоятельного участника международных отношений на самом раннем этапе государственного строительства.

Правовую основу участия Узбекистана в ОБСЕ образует комплекс документов различной юридической природы. С одной стороны, это внутригосударственные акты — Конституция Республики Узбекистан, закрепляющая приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права [11], Закон Республики Узбекистан «О международных договорах Республики Узбекистан» [13], а также Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан, прямо называющая сотрудничество с ОБСЕ в числе приоритетных направлений многосторонней дипломатии [12]. С другой стороны, это документы самой ОБСЕ — прежде всего Хельсинкский заключительный акт 1975 года [2], Парижская хартия для новой Европы 1990 года [3], Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 года [4] и Хартия европейской безопасности, принятая на Стамбульском саммите 1999 года [5].

Здесь необходимо остановиться на принципиальном теоретико-правовом вопросе, без понимания которого, на наш взгляд, невозможен корректный анализ участия любого государства в деятельности ОБСЕ: документы Организации, включая Хельсинкский заключительный акт, не являются международными договорами в смысле Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года и не порождают юридически обязательных обязательств в строгом смысле этого термина. Формально они представляют собой политические обязательства государств-участников. Саидов А.Х. в

своих работах по международному публичному праву обоснованно указывает, что подобная категория «мягкого права» (soft law) занимает промежуточное положение между юридически обязательными нормами и чисто политическими декларациями, оказывая при этом существенное нормативное воздействие на поведение государств [46; 47].

Мы полагаем, что применительно к участию Узбекистана в ОБСЕ данная особенность имеет двоякое значение. С одной стороны, политический, а не юридически обязывающий характер хельсинкских обязательств предоставляет республике значительную гибкость в имплементации соответствующих принципов и позволяет выстраивать сотрудничество с Организацией без формальных ограничений, свойственных договорным режимам с чётко определёнными санкционными механизмами. С другой стороны — и данный аспект представляется нам не менее важным — именно мягкоправовой характер обязательств ОБСЕ является структурной причиной ограниченной эффективности механизмов реагирования Организации на нарушения принятых обязательств, что мы продемонстрируем далее на конкретном примере событий в Андижане 2005 года. Иными словами, гибкость системы ОБСЕ, выгодная государству-участнику в период выстраивания сотрудничества, одновременно оборачивается недостатком эффективности в кризисных ситуациях, требующих быстрого и последовательного реагирования международного сообщества.

Институциональная основа деятельности ОБСЕ строится на концепции трёх измерений безопасности, окончательно оформившейся в документах Будапештского саммита 1994 года и получившей развитие в Стратегии ОБСЕ по противодействию угрозам безопасности и стабильности в XXI веке, принятой на Маастрихтской встрече 2003 года [7]. Данная концепция исходит из того, что безопасность государства не сводится исключительно к военно-политическим аспектам, но включает также экономическое благополучие, экологическую устойчивость и соблюдение прав человека как взаимосвязанные компоненты единой системы. Астанинская юбилейная декларация 2010 года, принятая по инициативе казахстанского председательства ОБСЕ при активном участии других центральноазиатских государств, включая Узбекистан, подтвердила приверженность концепции «сообщества безопасности» — цели, предполагающей не просто отсутствие вооружённых конфликтов между государствами-участниками, но формирование устойчивой системы доверия и взаимной ответственности [6].

По нашему мнению, именно трёхмерная структура ОБСЕ и предопределила логику построения настоящей статьи: поскольку функциональные направления сотрудничества Узбекистана с Организацией существенно различаются по своему правовому режиму, интенсивности взаимодействия и характеру возникающих проблем в зависимости от конкретного измерения, мы считаем целесообразным рассмотреть каждое из них отдельно, предварительно обратившись, однако, к институциональной эволюции присутствия ОБСЕ непосредственно на территории Узбекистана, поскольку именно эта эволюция во многом определила специфику последующего взаимодействия по всем трём направлениям.

Прежде чем перейти к рассмотрению институциональной эволюции присутствия ОБСЕ в Узбекистане, мы считаем необходимым остановиться на более широком внешнеполитическом контексте, в котором данное сотрудничество развивается, — на доктрине многовекторности, последовательно закреплённой в Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан [12]. Указанная доктрина исходит из принципиального отказа от исключительной ориентации на какой-либо

один центр силы или один интеграционный блок в пользу параллельного, сбалансированного развития отношений с широким кругом партнёров — Россией, Китаем, Соединёнными Штатами, Европейским союзом, соседними государствами Центральной Азии, а также многосторонними институтами, включая ОБСЕ. Мы полагаем, что применительно к сотрудничеству с ОБСЕ доктрина многовекторности проявляется в характерном стремлении узбекистанской дипломатии избегать эксклюзивной привязки к какой-либо одной площадке многостороннего взаимодействия по военно-политическим вопросам — Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества и ОБСЕ рассматриваются Ташкентом не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие каналы обеспечения национальной и региональной безопасности, каждый из которых обладает собственной сравнительной специализацией: если ОДКБ и ШОС ориентированы преимущественно на военно-техническое и разведывательное сотрудничество с Россией и Китаем соответственно, то ОБСЕ, в силу своего трёхмерного мандата, остаётся уникальной площадкой, объединяющей вопросы безопасности с вопросами прав человека и экономико-экологического развития в рамках единого институционального формата. Именно эта уникальность, на наш взгляд, и обеспечивает устойчивую востребованность сотрудничества с ОБСЕ для Узбекистана даже в периоды охлаждения отношений по отдельным направлениям, к рассмотрению одного из которых — институциональной эволюции присутствия Организации на территории республики — мы переходим в следующей главе.

Институциональное присутствие ОБСЕ на территории Узбекистана прошло три последовательных этапа, каждый из которых отражал определённое состояние взаимоотношений между республикой и Организацией. Первый этап начался в апреле 1995 года с учреждения Бюро по связи для Центральной Азии, базировавшегося в Ташкенте и призванного содействовать распространению принципов и обязательств ОБСЕ в регионе, а также координировать взаимодействие центральноазиатских государств-участников с институтами Организации [21]. Решением Постоянного совета № 397 от 14 декабря 2000 года данное Бюро было преобразовано в Центр ОБСЕ в Ташкенте с расширенным мандатом, включавшим содействие выполнению принятых Узбекистаном обязательств по всем трём измерениям, включая вопросы развития гражданского общества [21].

Переломным моментом, определившим дальнейшую судьбу присутствия ОБСЕ в республике, стали трагические события в Андижане 13 мая 2005 года. Не углубляясь в детальную фактическую реконструкцию произошедшего — эта задача выходит за рамки настоящего юридического исследования, — необходимо остановиться на реакции ОБСЕ и на том, что эта реакция продемонстрировала относительно институциональных возможностей и ограничений Организации. Уже на следующий день после событий Бюро по демократическим институтам и правам человека направило действующему председателю ОБСЕ обращение, в котором выразило обеспокоенность сообщениями о грубых нарушениях прав человека, включая предполагаемые случаи произвольного применения силы в отношении гражданских лиц [61]. Двадцатого июня 2005 года БДИПЧ опубликовало предварительный доклад о событиях в Андижане, основанный на свидетельских показаниях, собранных миссией Бюро [61].

На наш взгляд, именно на этом этапе целесообразно детально показать алгоритм действия механизма человеческого измерения ОБСЕ — той процедуры, которая теоретически была призвана обеспечить международное реагирование на подобные ситуации. Механизм человеческого измерения ОБСЕ состоит из двух

взаимодополняющих инструментов: Венского механизма, закреплённого в Венском итоговом документе 1989 года, и Московского механизма, принятого на третьем этапе Конференции по человеческому измерению в Москве в 1991 году [4]. Процедура применения данных механизмов в теории выстраивается следующим образом. На первом шаге любое государство-участник вправе запросить у другого государства-участника информацию относительно конкретной ситуации в сфере человеческого измерения на его территории; запрашиваемое государство обязано ответить в течение установленного срока. На втором шаге, если ответ признаётся неудовлетворительным либо не поступает, запрашивающее государство может инициировать двустороннюю встречу для обсуждения соответствующего вопроса. На третьем шаге, предусмотренном уже собственно Московским механизмом, группа не менее шести государств-участников вправе инициировать направление миссии независимых экспертов для установления фактов и подготовки доклада по конкретной проблеме человеческого измерения, причём — и в этом состоит принципиальная особенность Московского механизма — согласие государства, в отношении которого инициируется миссия, для запуска процедуры не требуется, хотя на практике оно существенно облегчает её реализацию [41; 42].

Применительно к событиям в Андижане данный алгоритм, обладавший, казалось бы, значительным потенциалом, продемонстрировал, по нашему глубокому убеждению, свою наиболее уязвимую черту — сугубо факультативный, зависящий от политической воли государств-участников характер запуска процедуры. Несмотря на то, что и ОБСЕ, и Организация Объединённых Наций призвали к проведению независимого международного расследования андижанских событий, а правительство Узбекистана ограничилось созданием собственной парламентской комиссии, отказавшись от международного расследования [62; 63], Московский механизм так и не был формально инициирован ни в отношении Андижана, ни впоследствии в отношении сходной по своей природе ситуации межэтнического насилия на юге Кыргызстана в 2010 году [64]. Мы полагаем, что данный факт нельзя недооценивать: он свидетельствует о том, что даже специально созданный процедурный инструмент быстрого реагирования на серьёзные нарушения человеческого измерения оказывается неработоспособным именно в тех случаях, когда государства-участники не готовы брать на себя политические издержки, связанные с его инициированием в отношении конкретного партнёра. Наша позиция состоит в том, что подобная избирательность применения Московского механизма — используемого, как показывает практика последних лет, преимущественно в отношении государств, уже находящихся в состоянии острой международной изоляции (Беларусь в 2020 и 2023 годах, Россия в 2022 году) [64], — существенно снижает как превентивный потенциал самого механизма, так и доверие к нему со стороны государств Центральной Азии, которые обоснованно могут воспринимать его как инструмент политически мотивированного, а не универсального применения.

Показательно, что спустя почти два десятилетия после Андижана аналогичная по своей процедурной логике ситуация повторилась применительно к событиям в Республике Каракалпакстан 1–3 июля 2022 года, вызванным протестами против предложенных поправок к статьям 70–75 Конституции Республики Узбекистан, определявшим суверенный статус автономии, и повлекшим человеческие жертвы в результате применения силы правоохранительными органами [66]. Уже 7 июля 2022 года на заседании Постоянного совета ОБСЕ № 1381 делегация Европейского союза выступила с заявлением, в котором выразила сожаление в связи с гибелью людей и призвала к проведению «открытого и независимого расследования» произошедшего,

одновременно приветствовав оперативную реакцию Президента Мирзиёева на общественную обеспокоенность предложенными поправками [67]. Аналогичное заявление в тот же период сделал и Государственный департамент США, призвавший власти обеспечить «полное, достоверное и прозрачное расследование» насилия [68].

Мы полагаем, что данный эпизод крайне важен для нашего анализа алгоритма человеческого измерения ОБСЕ, поскольку он показывает частичное, но не полное функционирование рассмотренной нами процедуры. Первый шаг алгоритма — постановка вопроса о ситуации в области человеческого измерения на общей площадке ОБСЕ, а именно на заседании Постоянного совета, — оказался реализован, причём, что показательно, инициатором обсуждения выступила сама делегация Узбекистана, добровольно поднявшая вопрос о каракалпакских событиях перед Постоянным советом [67]. Однако последующие, более интрузивные шаги алгоритма — направление миссии независимых экспертов в порядке Московского механизма — вновь, как и в случае с Андижаном, задействованы не были, а расследование произошедшего было проведено национальными органами Узбекистана самостоятельно. Мы считаем данное совпадение процедурной логики двух эпизодов, разделённых семнадцатью годами, показательным: оно свидетельствует о том, что готовность государства к добровольному, инициативному информированию Постоянного совета о кризисной ситуации — сама по себе позитивный признак возросшей открытости, которую, к слову, отметила и делегация Соединённого Королевства в своём выступлении в Постоянном совете в марте 2023 года, поблагодарив Координатора проектов ОБСЕ за работу и одновременно напомнив об «глубокой обеспокоенности» каракалпакскими событиями [69], — тем не менее не трансформируется автоматически в готовность к принятию более глубоких форм международного участия в установлении фактов.

По нашему мнению, из сопоставления андижанского и каракалпакского эпизодов можно вывести общую закономерность, значимую для дальнейшего совершенствования механизмов человеческого измерения ОБСЕ в целом: существующий алгоритм не предусматривает каких-либо промежуточных, менее интрузивных форм международного содействия расследованию между полностью национальным расследованием, с одной стороны, и полноценной миссией независимых экспертов по Московскому механизму — с другой. Мы полагаем, что заполнение этого промежуточного институционального пробела — например, посредством разработки формата факультативного технического содействия национальному расследованию силами ограниченной группы экспертов ОБСЕ, направляемой по приглашению самого государства без придания этому шагу статуса полноценной миссии по Московскому механизму, — могло бы существенно расширить пространство практически применимых опций между двумя рассмотренными крайностями и тем самым повысить общую эффективность реагирования Организации на подобные кризисные ситуации в будущем.

Институциональным следствием андижанского кризиса стало решение Постоянного совета ОБСЕ № 734 от 30 июня 2006 года о преобразовании Центра ОБСЕ в Ташкенте в Координатора проектов ОБСЕ в Узбекистане [21; 65]. На первый взгляд данное переименование могло показаться формальным, однако при ближайшем рассмотрении оно повлекло существенное содержательное изменение мандата: если Центр обладал полномочиями по мониторингу выполнения государством взятых обязательств и содействию развитию гражданского общества в широком смысле, то мандат Координатора проектов носит принципиально иной, проектно-ориентированный характер — деятельность нового формата присутствия строится исключительно на

основе совместно согласованных с правительством Узбекистана программ и проектов [32]. Мы считаем необходимым подчеркнуть: подобная трансформация — от мониторинговой модели присутствия к модели, основанной на согласии принимающего государства по каждому конкретному направлению деятельности, — фактически означала переход от инструмента внешнего наблюдения к инструменту двустороннего технического содействия, полностью зависящего от готовности самого Узбекистана к сотрудничеству по конкретным темам.

Данное институциональное изменение можно интерпретировать двояко. С одной стороны, критически настроенные исследователи, в частности Целльнер В., рассматривающий перспективы реформирования ОБСЕ в целом, склонны характеризовать подобные трансформации мандатов полевых присутствий как проявление общей тенденции к ослаблению контрольных функций Организации под давлением принимающих государств [30; 42]. С другой стороны, по нашему мнению, именно проектно-ориентированный формат, лишённый выраженной мониторинговой составляющей, впоследствии оказался тем форматом сотрудничества, который позволил восстановить и постепенно углубить взаимодействие Узбекистана с ОБСЕ уже после смены политического руководства страны в 2016 году. Действительно, начиная с 2017 года Координатор проектов ОБСЕ в Ташкенте реализует широкий спектр программ практически по всем направлениям — от содействия реформе правоохранительных органов и Академии Генеральной прокуратуры до поддержки Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) и Национального центра по правам человека [16; 20]. В частности, в октябре 2022 года при содействии Координатора проектов был открыт компьютерный класс для Академии Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан, а в феврале 2023 года в Самарканде состоялась международная конференция «Взаимодействие и сотрудничество в области надёжной защиты прав и свобод человека», организованная совместно с национальными партнёрами [20]. Мы усматриваем в этом наглядное подтверждение нашего тезиса о том, что менее конфронтационный, проектный формат присутствия ОБСЕ парадоксальным образом создал более устойчивую основу для долгосрочного и содержательного сотрудничества, нежели предшествовавшая ему модель мониторингового присутствия.

Вместе с тем мы не считаем правильным останавливаться исключительно на позитивной оценке данной трансформации. На наш взгляд, произошедшее в 2006 году изменение мандата обнажило структурную проблему всей системы полевых присутствий ОБСЕ: объём и содержание мандата полевой миссии или офиса Организации в конечном счёте определяются не столько объективной потребностью в мониторинге ситуации с правами человека, сколько балансом политической воли принимающего государства и государств — членов консенсусного Постоянного совета. Иными словами, эффективность институционального присутствия ОБСЕ в любой стране пребывания всегда будет производной от готовности этой страны допустить соответствующий уровень внешнего наблюдения, а не от объективных потребностей защиты прав человека на её территории.

Хронологически процесс постепенной нормализации и последующего углубления сотрудничества особенно ускорился начиная с 2017 года, когда была принята Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан, отдельный раздел которой был посвящён вопросам обеспечения верховенства закона и дальнейшего реформирования судебно-правовой системы. Мы полагаем, что именно синхронизация внутренней реформенной повестки с международными рекомендациями, включая рекомендации ОБСЕ, а не их

механическое противопоставление друг другу, стала тем фактором, который позволил Координатору проектов относительно быстро — в течение всего нескольких лет — трансформироваться из формата с достаточно ограниченной повесткой в один из наиболее содержательно насыщенных инструментов международного технического содействия реформам в республике. Данное системное наблюдение, к которому мы неоднократно будем возвращаться в последующих главах, подводит нас к необходимости отдельного рассмотрения функционального взаимодействия Узбекистана с ОБСЕ по каждому из трёх измерений безопасности, начиная с военно-политического.

Военно-политическое измерение: региональная безопасность и антитеррористическое сотрудничество

Военно-политическое измерение представляет собой историческое ядро деятельности ОБСЕ, восходящее к первоначальным задачам укрепления мер доверия между государствами Восточного и Западного блоков в период холодной войны. Основными инструментами данного измерения выступают Венский документ о мерах укрепления доверия и безопасности в его последней редакции [8], Кодекс поведения, касающийся военно-политических аспектов безопасности, принятый на Будапештском саммите 1994 года [9], а также Документ ОБСЕ по стрелковому оружию и лёгким вооружениям [10]. Применительно к Узбекистану необходимо, на наш взгляд, прежде всего отметить, что республика, не имея общей границы с государствами — членами НАТО или крупными европейскими державами, воспринимает военно-политическое измерение ОБСЕ преимущественно через призму региональной безопасности Центральной Азии, а не через призму классических мер контроля над вооружениями европейского театра.

Значимым вкладом Узбекистана в развитие антитеррористического направления военно-политического измерения стала инициатива, выдвинутая Президентом Исламом Каримовым на Стамбульском саммите ОБСЕ в ноябре 1999 года — предложение о создании международного центра по борьбе с международным терроризмом [5]. Данная инициатива, выдвинутая ещё до террористических актов 11 сентября 2001 года, впоследствии оказалась удивительно созвучной той повестке, которая сформировалась в международной антитеррористической политике уже в начале 2000-х годов. Мы полагаем, что данный факт заслуживает отдельного внимания: он свидетельствует о том, что проблема религиозного экстремизма и трансграничного терроризма воспринималась руководством Узбекистана как первоочередная угроза национальной и региональной безопасности задолго до того, как она приобрела статус глобального приоритета международного сообщества, что во многом объясняется опытом столкновения республики с деятельностью экстремистских группировок в Ферганской долине ещё в середине 1990-х годов.

Исследователи центральноазиатской проблематики безопасности — Оливье Руа, Марта Олкотт, Александр Кули, Кэтлин Коллинз, Фредерик Старр и Аннет Бор — единодушно указывают на специфический характер угроз безопасности в регионе, обусловленный сочетанием слабости формальных институтов государственного управления, значительной ролью неформальных клановых и региональных сетей, а также сохраняющейся зависимостью от внешних игроков — прежде всего России и Китая, а в последние годы также и от динамики, связанной с ситуацией в Афганистане [35; 36; 37; 38; 39; 40]. Кэтлин Коллинз, в частности, обращает особое внимание на феномен «клановой политики», определяющий во многом персоналистский характер режимов транзита в центральноазиатских государствах и осложняющий

имплементацию формальных международных обязательств, принимаемых на уровне государства [38]. Мы разделяем данный подход и полагаем, что именно с учётом подобной институциональной специфики региона следует оценивать эффективность военно-политических инструментов ОБСЕ применительно к Узбекистану: формальное присоединение к Кодексу поведения или Венскому документу само по себе не гарантирует глубинной трансформации механизмов принятия решений в сфере безопасности, остающихся в значительной степени централизованными и малотранспарентными.

Практическим направлением реализации военно-политического измерения на территории Узбекистана стали проекты Координатора проектов ОБСЕ, связанные с содействием пограничному контролю, борьбой с незаконным оборотом наркотиков и предотвращением насильственного экстремизма, в том числе программы по реабилитации и реинтеграции лиц, возвращающихся из зон вооружённых конфликтов, — так, в Ташкенте состоялось учредительное заседание Регионального экспертного совета Центральной Азии по реабилитации и реинтеграции возвращенцев [20; 58]. На наш взгляд, данное направление сотрудничества представляет собой один из наиболее удачных примеров практического взаимодействия Узбекистана с ОБСЕ, поскольку оно опирается на реальную, признаваемую самим государством потребность в международной экспертной поддержке и не порождает того институционального напряжения, которое характерно для правочеловеческих аспектов сотрудничества, о чём подробнее пойдёт речь в пятой главе настоящей статьи.

Отдельного упоминания заслуживает и процедурный аспект военно-политического измерения, связанный с обязательствами по ежегодному обмену военной информацией и отчётностью в рамках Кодекса поведения по военно-политическим аспектам безопасности [9]. Узбекистан, как и другие государства-участники, ежегодно представляет в Форум по сотрудничеству в области безопасности ОБСЕ соответствующую информацию о демократическом контроле над вооружёнными силами и военных расходах. Мы полагаем важным отметить, что подобная отчётность, при всей своей формализованности, выполняет значимую функцию укрепления транспарентности военного планирования, снижая риски непреднамеренной эскалации в силу неверного восприятия намерений соседних государств, — данная функция особенно актуальна для Центральной Азии, где, как справедливо отмечает Кемп У. в своей работе о «тихой дипломатии» Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств, пограничные и водно-ресурсные споры нередко приобретают этническое измерение, требующее превентивной, а не реактивной дипломатической работы [32].

Вместе с тем мы считаем необходимым обозначить и определённую проблему, характерную для военно-политического измерения сотрудничества в целом: механизмы контроля над вооружениями и укрепления доверия, разработанные преимущественно для условий межгосударственных отношений в Европе, лишь ограниченно применимы к специфике угроз безопасности в Центральной Азии, где основные вызовы носят не межгосударственный, а трансграничный и внутригосударственный характер — религиозный экстремизм, наркотрафик, деятельность негосударственных вооружённых формирований. По нашему мнению, данное структурное несоответствие требует от ОБСЕ дальнейшей адаптации инструментария военно-политического измерения к специфике региональных угроз, а не механического распространения на регион традиционных, изначально ориентированных на общеевропейский контекст механизмов.

Дополнительным подтверждением сказанного служит и сравнение роли ОБСЕ с ролью иных региональных структур безопасности, в которых участвует Узбекистан. Если Организация Договора о коллективной безопасности и Шанхайская организация сотрудничества строятся на принципе коллективной обороны либо военно-технического взаимодействия под фактическим лидерством одной или двух крупных держав, то ОБСЕ, объединяя 57 государств на паритетной основе, предлагает принципиально иную, менее иерархичную модель обеспечения безопасности, основанную на диалоге, а не на формальных обязательствах взаимной военной поддержки. Мы полагаем, что именно эта особенность объясняет, почему Узбекистан, проявляя определённую осторожность в вопросах военно-политической интеграции (достаточно вспомнить приостановление членства республики в ОДКБ в 1999 году и последующее возобновление участия лишь в 2006 году), одновременно сохраняет последовательную, непрерывную вовлечённость именно в военно-политическое измерение ОБСЕ — организации, не предполагающей формальных военных обязательств, но обеспечивающей ценный канал диалога по вопросам региональной безопасности. Наряду с военно-политическим измерением значимое место в сотрудничестве Узбекистана с ОБСЕ занимает экономико-экологическое измерение, к рассмотрению которого мы переходим далее.

Экономико-экологическое измерение: Аральская проблема и вопросы устойчивого развития

Экономико-экологическое измерение ОБСЕ исторически развивалось как наименее институционализированное из трёх измерений Организации, что во многом объясняется наличием значительного числа иных международных институтов, специализирующихся на вопросах экономического развития и охраны окружающей среды — от международных финансовых организаций до профильных структур системы ООН. Применительно к Узбекистану, тем не менее, данное измерение приобретает особое значение в связи с экологическим кризисом Аральского моря — одной из наиболее острых экологических проблем не только центральноазиатского региона, но и всего пространства ОБСЕ.

Аральская проблема неоднократно поднималась Узбекистаном на различных площадках ОБСЕ в контексте необходимости координации международных усилий по смягчению последствий экологической катастрофы. Мы полагаем важным отметить, что деятельность Координатора проектов ОБСЕ в данной сфере — организация образовательных и просветительских мероприятий, приуроченных ко Всемирному дню окружающей среды, содействие устойчивой мобильности и развитию экологической грамотности среди молодёжи, в частности проведение велопробегов в Бухаре и Намангане с участием дошкольных образовательных учреждений [35], — носит, по своему характеру, скорее просветительский, нежели непосредственно природоохранный характер. На наш взгляд, подобный формат деятельности, безусловно, имеет определённую позитивную ценность с точки зрения формирования экологической культуры, однако он объективно несопоставим по своему масштабу с задачей преодоления последствий Аральской катастрофы, для решения которой требуются ресурсы, значительно превосходящие возможности проектного офиса ОБСЕ, — данная задача остаётся прерогативой специализированных структур, прежде всего Международного фонда спасения Арала, при поддержке профильных учреждений системы ООН.

Здесь, по нашему мнению, обнаруживается системная проблема экономико-экологического измерения ОБСЕ применительно к Центральной Азии в целом: множественность вовлечённых международных институтов — ООН и её специализированные учреждения, Международный фонд спасения Арала, Всемирный банк, Азиатский банк развития и ОБСЕ — порождает риск дублирования усилий и распыления ограниченных донорских ресурсов между схожими по содержанию инициативами. Мы считаем целесообразным предложить следующее решение данной проблемы: Координатору проектов ОБСЕ в Узбекистане следовало бы сосредоточить деятельность экономико-экологического измерения не на дублировании функций специализированных структур в области непосредственного управления водными ресурсами, а на тех направлениях, где сравнительным преимуществом ОБСЕ является её межгосударственный, трансграничный характер, — прежде всего на содействии диалогу между государствами Центральной Азии по вопросам совместного использования трансграничных водных ресурсов, а также на вопросах экологической безопасности в контексте изменения климата, кибербезопасности критической инфраструктуры и содействия развитию малого предпринимательства в наиболее пострадавших от экологического кризиса регионах Приаралья.

Показательно, что по инициативе Узбекистана в марте 2008 года в стране была проведена международная конференция, посвящённая проблемам Аральского моря и их влиянию на генофонд населения, растительный и животный мир региона, а в октябре 2014 года в Ургенче состоялась международная конференция «Развитие сотрудничества в регионе бассейна Аральского моря по смягчению последствий экологической катастрофы» — по итогам этой инициативы Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию A/RES/63/133 о придании Международному фонду спасения Арала статуса наблюдателя [71]. Мы полагаем важным подчеркнуть, что именно данный пример показывает наиболее продуктивную, на наш взгляд, модель взаимодействия Узбекистана с международными институтами в экономико-экологическом измерении: республика выступает не пассивным реципиентом международного технического содействия, а активным инициатором региональной повестки, задача же ОБСЕ в подобной модели сводится к содействию имплементации уже сформулированной национальной и региональной повестки, а не к её самостоятельному формированию извне. Мы считаем, что дальнейшее развитие экономико-экологического измерения сотрудничества Узбекистана с ОБСЕ должно и впредь строиться именно по этой модели — «содействия национальной инициативе», а не «внешнего мониторинга», поскольку она, в отличие от рассматриваемой в следующей главе модели человеческого измерения, не порождает того институционального напряжения, которое связано с восприятием международного участия как вмешательства во внутренние дела.

Помимо экологической проблематики, экономическое измерение сотрудничества Узбекистана с ОБСЕ традиционно включало вопросы содействия торговле и транзиту, что приобретает особую значимость для государства, не имеющего прямого выхода к морю, — фактор, признаваемый и зарубежными исследователями региона; Старр С.Ф. в своей работе о «новых шёлковых путях» обоснованно указывает, что развитие трансграничной транспортной инфраструктуры остаётся одним из ключевых условий полноценной экономической интеграции центральноазиатских государств в мировую экономику [39]. Мы полагаем, что в данном контексте вклад ОБСЕ носит скорее вспомогательный, экспертно-методический характер — содействие гармонизации таможенных процедур и обмену передовым опытом, — нежели непосредственно

инфраструктурный, поскольку финансирование крупных транспортных проектов остаётся прерогативой международных финансовых институтов, а не ОБСЕ.

Отдельного упоминания заслуживает относительно новое направление деятельности Координатора проектов ОБСЕ, связанное с кибербезопасностью, — организация практических занятий для представителей правоохранительных органов по вопросам выявления и предотвращения киберпреступлений, а также специализированного семинара по классификации национальных киберинцидентов для представителей государств Центральной Азии, Южного Кавказа и Монголии [35; 36]. Мы полагаем, что стремительная цифровизация государственного управления и экономики Узбекистана в последние годы объективно требует расширения именно этого направления сотрудничества, поскольку национальная нормативно-правовая база и институциональный потенциал в сфере кибербезопасности пока отстают от темпов внедрения цифровых технологий в государственное управление и финансовый сектор. Обозначенная нами проблема дублирования институтов и ограниченности ресурсов экономико-экологического измерения органично подводит к рассмотрению наиболее содержательно насыщенного и одновременно наиболее политически чувствительного измерения сотрудничества Узбекистана с ОБСЕ — человеческого измерения, которому посвящена следующая глава настоящей статьи.

Человеческое измерение: алгоритм наблюдения БДИПЧ ОБСЕ за выборами в Узбекистане и связанные с ним проблемы

Человеческое измерение ОБСЕ представляет собой, по нашему убеждению, наиболее содержательно насыщенное и одновременно наиболее институционально проработанное направление деятельности Организации применительно к Узбекистану. Ключевым институтом, реализующим данное измерение, выступает Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), уполномоченное, среди прочего, осуществлять наблюдение за выборами в государствах-участниках в соответствии с обязательствами, принятыми в Документе Копенгагенского совещания 1990 года [4; 24]. Мы считаем необходимым подробно раскрыть алгоритм данной процедуры, поскольку именно на уровне конкретных процедурных шагов — а не абстрактных деклараций о приверженности демократическим принципам — проявляются как достижения, так и системные проблемы взаимодействия Узбекистана с БДИПЧ.

Первым шагом процедуры является направление национальными властями официального приглашения БДИПЧ для наблюдения за конкретными выборами или референдумом — участие Бюро в национальном избирательном процессе, в отличие от некоторых иных механизмов ОБСЕ, всегда основано на приглашении принимающего государства, а не на одностороннем решении Организации [19; 24]. Вторым шагом, как правило, выступает направление так называемой Миссии по оценке потребностей (Needs Assessment Mission, NAM) — небольшой группы экспертов, которая до принятия решения о формате основной наблюдательной миссии оценивает нормативно-правовую базу выборов, политический контекст и результаты выполнения предыдущих рекомендаций БДИПЧ. Третьим шагом является собственно решение БДИПЧ о формате наблюдательной деятельности, который может варьироваться от полноценной Миссии по наблюдению за выборами (Election Observation Mission, EOM) с участием ядра экспертов, долгосрочных и краткосрочных наблюдателей до значительно более ограниченной Миссии по оценке выборов (Election Assessment Mission) или Ограниченной миссии по наблюдению за референдумом (Limited

Referendum Observation Mission, ЛРОМ), предполагающей меньшее число международных экспертов без развёртывания краткосрочных наблюдателей в день голосования [19; 22; 23]. Четвёртым шагом выступает развёртывание собственно миссии, публикация промежуточных отчётов в ходе избирательной кампании, а также заявления о предварительных выводах, представляемого на пресс-конференции на следующий день после голосования. Наконец, пятым, завершающим шагом является публикация итогового доклада с конкретными рекомендациями по совершенствованию избирательного законодательства и правоприменительной практики [19].

Рассмотрим применение данного алгоритма на конкретных примерах из практики взаимодействия БДИПЧ с Узбекистаном за последнее десятилетие. В отношении парламентских выборов 22 декабря 2019 года БДИПЧ развернуло полноценную Миссию по наблюдению за выборами, начавшую работу 25 ноября 2019 года под руководством Таны де Зулуэта и включавшую ядро из 11 международных экспертов, а также 30 долгосрочных наблюдателей [23]. Итоговый доклад миссии, опубликованный в конце декабря 2019 года, содержал двойственную оценку: с одной стороны, отмечалось, что выборы прошли в условиях обновлённого законодательства и большей терпимости к независимым голосам по сравнению с предыдущими избирательными циклами; с другой стороны, прямо констатировалось, что выборы «пока не продемонстрировали подлинной конкуренции и полного соблюдения процедур в день голосования», а миссия сформулировала тридцать две конкретные рекомендации [23]. Мы полагаем, что данная формулировка — «пока не продемонстрировали» — крайне показательна: она отражает свойственный БДИПЧ дипломатический язык постепенной, эволюционной оценки прогресса, который, на наш взгляд, хотя и оправдан с точки зрения поддержания конструктивного диалога с властями страны, одновременно способен создавать у внешнего наблюдателя ложное впечатление о поступательном, линейном характере демократизации, не всегда соответствующее реальной институциональной динамике.

Аналогичная модель поэтапного вовлечения была применена и в отношении конституционного референдума 30 апреля 2023 года: по итогам Миссии по оценке потребностей, работавшей с 19 по 21 июля 2022 года, БДИПЧ приняло решение о развёртывании именно Ограниченной миссии по наблюдению за референдумом, а не полноценной наблюдательной миссии — в состав ЛРОМ, возглавленной послом Альбертом Йонссоном, вошли 10 международных экспертов и 14 долгосрочных наблюдателей, но не привлекались краткосрочные наблюдатели для развёртывания в день голосования по всей стране [19]. В свою очередь, применительно к внеочередным президентским выборам 9 июля 2023 года, состоявшимся вскоре после конституционного референдума, было принято решение о развёртывании полноценной Миссии по наблюдению за выборами во главе с послом Уршулой Гацек, включавшей ядро из 11 экспертов, 24 долгосрочных наблюдателя и запрос на 250 краткосрочных наблюдателей [19].

Мы считаем необходимым честно и без излишней дипломатичности воспроизвести итоговые оценки этих двух наблюдательных миссий, поскольку именно они наиболее рельефно демонстрируют сохраняющуюся дистанцию между декларируемыми и фактически реализуемыми стандартами. Согласно выводам миссии по референдуму 2023 года, сам процесс «был лишён подлинного политического плюрализма», а нижестоящие избирательные комиссии «не обладали нейтральностью и независимостью» [70]. Итоговый доклад по внеочередным президентским выборам того же года констатировал, что «сдержанная избирательная кампания не

предполагала содержательного взаимодействия с избирателями», кандидаты «не высказывали альтернативных политических взглядов», а непосредственно в день голосования были зафиксированы «серьёзные процедурные нарушения» при голосовании, подсчёте голосов и составлении итоговых протоколов [72; 70]. Мы полагаем, что подобная формулировка, констатирующая отсутствие содержательной состязательности кандидатов на общенациональных президентских выборах, представляет собой одну из наиболее жёстких оценок, данных БДИПЧ электоральному процессу в Узбекистане за последнее десятилетие, и её нельзя игнорировать при построении сбалансированной картины взаимодействия республики с человеческим измерением ОБСЕ.

Именно на данном этапе анализа, по нашему мнению, целесообразно сформулировать основную процедурную проблему рассматриваемого алгоритма — проблему, которая, насколько нам известно, редко получает должное освещение в узбекистанской научной литературе, посвящённой сотрудничеству с ОБСЕ. Решение о формате наблюдательной миссии — полноценная ЕОМ, ограниченная ЛРОМ либо ещё более узкая миссия по оценке — принимается самим БДИПЧ на основании выводов Миссии по оценке потребностей, то есть на основе процедуры, обладающей значительной долей дискреции и не вполне прозрачных, формально не кодифицированных критериев. Мы полагаем, что подобная дискреционность порождает два взаимосвязанных риска. Во-первых, различие в масштабе наблюдательной миссии — очевидное, например, при сопоставлении Ограниченной миссии по референдуму 2023 года, не предполагавшей развёртывания краткосрочных наблюдателей, с полноценной миссией на президентских выборах того же года, — способно создавать неодинаковый уровень международной легитимации различных электоральных процедур, притом что с точки зрения их значимости для конституционного строя страны референдум об изменении Конституции представлял собой событие ничуть не менее значимое, чем последовавшие за ним президентские выборы. Во-вторых, ограниченный формат миссии объективно снижает возможности БДИПЧ по всестороннему документированию нарушений непосредственно в день голосования, поскольку именно краткосрочные наблюдатели, размещаемые на избирательных участках, играют ключевую роль в фиксации процедурных нарушений при подсчёте голосов.

В связи с этим мы считаем необходимым предложить следующее решение указанной проблемы: БДИПЧ следовало бы разработать и опубликовать чёткие, формализованные и заранее известные всем государствам-участникам критерии, определяющие выбор формата наблюдательной миссии — например, привязку объёма развёртываемых наблюдателей к конституционно-правовой значимости голосования (референдумы об изменении основного закона государства должны, на наш взгляд, по определению получать не меньший по масштабу формат наблюдения, чем очередные парламентские или президентские выборы), а также к количеству и характеру нереализованных рекомендаций по итогам предыдущих избирательных циклов. Подобная формализация критериев, по нашему убеждению, повысила бы предсказуемость и воспринимаемую легитимность решений БДИПЧ и одновременно сняла бы с Бюро упреки в непоследовательности выбора формата наблюдения, которые периодически звучат со стороны как принимающих государств, так и наблюдательного сообщества.

Не менее значимой представляется нам и завершающая стадия рассматриваемого алгоритма — стадия имплементации рекомендаций итогового доклада. Формально все 57 государств-участников ОБСЕ приняли на себя обязательство оперативно реагировать на выводы и рекомендации БДИПЧ по итогам оценки выборов [23],

однако само Бюро не располагает институциональным механизмом систематического, юридически значимого контроля за фактическим выполнением конкретных рекомендаций между избирательными циклами. На практике учёт выполнения рекомендаций осуществляется преимущественно посредством включения соответствующего пункта в мандат последующей Миссии по оценке потребностей — то есть степень выполнения рекомендаций одного избирательного цикла проверяется лишь при подготовке к следующему циклу, зачастую спустя несколько лет. Мы полагаем, что подобный временной разрыв между формулированием рекомендации и следующей возможностью для её систематической проверки существенно снижает стимулы национальных властей к последовательной, а не выборочной имплементации рекомендаций БДИПЧ. Нишанов Д.Б. в своей работе, посвящённой деятельности Узбекистана в ОБСЕ и НАТО, обоснованно указывает на то, что реформирование избирательного законодательства республики традиционно осуществляется поэтапно, с учётом международных рекомендаций, но при этом стремится сохранить существующую конфигурацию политической системы [48], что, на наш взгляд, лишь подтверждает необходимость более систематического, ежегодного, а не привязанного исключительно к очередному избирательному циклу мониторинга выполнения рекомендаций БДИПЧ — например, посредством публикации кратких промежуточных докладов о ходе имплементации рекомендаций каждые двенадцать месяцев.

Отдельного рассмотрения заслуживает содержательная сторона рекомендаций БДИПЧ применительно к Узбекистану, поскольку они наглядно демонстрируют эволюцию требований международного сообщества к электоральному законодательству республики. Принятие в 2019 году единого кодифицированного Избирательного кодекса Республики Узбекистан, о разработке которого международные наблюдатели были проинформированы заблаговременно и который, по имеющимся сведениям, анализировался более чем пятьюдесятью странами и международными организациями, стало значимым шагом навстречу международным рекомендациям в части систематизации избирательного законодательства [19]. Формирование единого электронного списка избирателей и внедрение соответствующей информационной системы также было воспринято миссиями БДИПЧ позитивно с точки зрения технической организации выборов [19]. Вместе с тем, как показывает содержание итоговых докладов 2019 и последующих лет, наиболее сложно реализуемыми оказываются именно те рекомендации, которые касаются не технической организации избирательного процесса, а его политико-конкурентного содержания — регистрации оппозиционных партий и независимых кандидатов, равного доступа к средствам массовой информации в ходе избирательной кампании и подлинной состязательности между кандидатами. Мы полагаем, что данное наблюдение указывает на общую закономерность: технические аспекты избирательного процесса поддаются международной гармонизации существенно легче, нежели глубинные политико-институциональные аспекты, затрагивающие фактическую конфигурацию политической конкуренции внутри страны, — и эта закономерность, на наш взгляд, характерна не только для Узбекистана, но и для значительной части государств постсоветского пространства, что подтверждается и в работах зарубежных исследователей данного региона [35; 44].

Отдельного внимания в рамках человеческого измерения заслуживает деятельность Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств (ВКНМ), институт которого был учреждён по итогам Хельсинкской встречи на высшем уровне 1992 года с превентивной, а не карательной функцией — задача Комиссара состоит в раннем выявлении и содействии урегулированию напряжённости, связанной с положением

национальных меньшинств, до её перерастания в открытый конфликт [25; 32]. Применительно к Узбекистану — многонациональному государству, где проживают значительные общины таджиков, казахов, каракалпаков, русских, корейцев и представителей иных народов, — деятельность ВКНМ традиционно носит менее публичный, преимущественно консультативный характер по сравнению с кризисными регионами Балкан или Кавказа, что, на наш взгляд, само по себе является позитивным индикатором отсутствия острой межэтнической напряжённости в республике. Вместе с тем мы полагаем важным отметить, что каракалпакские события 2022 года, рассмотренные нами во второй главе настоящей статьи, при всей своей конституционно-правовой, а не этнической природе, всё же продемонстрировали потенциальную значимость превентивной работы ВКНМ применительно к автономным образованиям со сложным этническим составом населения, и мы считаем целесообразным рекомендовать более активное вовлечение данного института в мониторинг социально-политической ситуации в Республике Каракалпакстан на регулярной, а не исключительно реактивной, кризисной основе.

Национальная стратегия по правам человека и её соотношение с обязательствами человеческого измерения ОБСЕ

Логичным продолжением анализа, проведённого в предыдущей главе, является рассмотрение того, каким образом рекомендации и обязательства человеческого измерения ОБСЕ преломляются во внутригосударственной правовой политике Узбекистана — прежде всего в контексте принятия и реализации Национальной стратегии Республики Узбекистан по правам человека, утверждённой в 2020 году [14]. Мы полагаем, что принятие данного документа стало важным индикатором готовности узбекистанского руководства к системной, а не точечной имплементации международных обязательств в сфере прав человека, включая рекомендации, сформулированные в рамках человеческого измерения ОБСЕ.

Показательным примером практического взаимодействия по линии Национальной стратегии выступает сотрудничество Координатора проектов ОБСЕ с Уполномоченным по правам человека Олий Мажлиса (омбудсманом) и Национальным центром по правам человека Республики Узбекистан, включающее программы повышения квалификации сотрудников соответствующих институтов в области применения международных стандартов и норм в сфере прав человека, а также содействие подготовке шестого периодического доклада Узбекистана об осуществлении Конвенции ООН против пыток [16; 20]. Мы считаем необходимым обратить внимание на данный последний пример особо: содействие подготовке доклада по Конвенции против пыток — документу, находящемуся в компетенции договорного органа ООН, а не непосредственно ОБСЕ, — наглядно иллюстрирует ту функциональную взаимодополняемость, которая на практике связывает универсальные (ооновские) и региональные (обсеэсовские) механизмы защиты прав человека: Координатор проектов ОБСЕ, обладая устойчивым присутствием на местах и накопленной экспертизой, фактически выполняет здесь вспомогательную функцию по отношению к обязательствам государства в рамках универсальной договорной системы.

Мы полагаем целесообразным также отметить, что Национальный центр по правам человека Республики Узбекистан, действующий в тесном взаимодействии с Координатором проектов, выполняет двойную функцию: с одной стороны, он выступает национальным контактным пунктом для координации взаимодействия государственных органов с международными правозащитными механизмами, включая

механизмы ОБСЕ, с другой — осуществляет подготовку и переподготовку кадров государственных органов по вопросам международных стандартов прав человека. На наш взгляд, именно совмещение координационной и образовательной функций в рамках одного института представляет собой удачное институциональное решение, поскольку оно позволяет напрямую транслировать международные рекомендации, в том числе поступающие по линии ОБСЕ, в программы подготовки государственных служащих, минуя длительный процесс их предварительной адаптации через промежуточные бюрократические инстанции.

Вместе с тем мы не можем обойти вниманием и определённое структурное противоречие, характерное для соотношения национальной правозащитной стратегии с обязательствами человеческого измерения ОБСЕ. Национальная стратегия, будучи актом внутригосударственного права, принимается, реализуется и, что немаловажно, может быть в любой момент скорректирована исключительно по усмотрению национальных властей; международные же рекомендации, включая рекомендации БДИПЧ, о которых шла речь в предыдущей главе, носят исключительно консультативный характер и не порождают юридической обязанности их учёта при формулировании или пересмотре национальной стратегии. Мы полагаем, что подобное соотношение объективно ставит эффективность имплементации международных обязательств в зависимость от доброй воли государства, а не от юридически обязывающего механизма контроля. Данное наблюдение, на наш взгляд, лишь усиливает общий тезис, сформулированный нами во второй главе настоящей статьи применительно к институциональной эволюции присутствия ОБСЕ в Узбекистане: мягкоправовая природа обязательств Организации, обеспечивая государству-участнику значительную свободу манёвра, одновременно структурно ограничивает возможности международного сообщества по обеспечению последовательной и необратимой имплементации взятых обязательств.

В качестве конкретного предложения по преодолению обозначенного противоречия мы считаем целесообразным рекомендовать следующее: Национальная стратегия по правам человека и последующие документы стратегического планирования в данной сфере могли бы прямо предусматривать формализованную процедуру ежегодного сопоставления национальных индикаторов реализации стратегии с конкретными, пронумерованными рекомендациями БДИПЧ и иных механизмов ОБСЕ, с последующим представлением результатов такого сопоставления в Олий Мажлис и опубликованием соответствующего отчёта в открытом доступе. По нашему мнению, подобный механизм, даже оставаясь актом исключительно национального, а не международного права, придаст бы процессу имплементации рекомендаций ОБСЕ значительно большую системность, прозрачность и предсказуемость, не покушаясь при этом на суверенное право государства самостоятельно определять темпы и приоритеты внутренних реформ.

Дополнительным подтверждением углубляющегося характера сотрудничества по линии национальных правозащитных институтов служит визит старшего советника ОБСЕ по гендерным вопросам в Узбекистан в июне 2023 года, в ходе которого советник в переговорах с узбекистанскими официальными лицами подчёркивала необходимость «укрепления подотчётности» и «наказания виновных» в случаях гендерно обусловленного насилия [72]. Мы полагаем данный пример показательным в двух отношениях. Во-первых, он свидетельствует о постепенном расширении тематического охвата сотрудничества за пределы традиционных вопросов избирательного процесса — в сторону специализированных, секторальных направлений защиты прав человека, включая гендерное равенство. Во-вторых,

использованная формулировка — прямой призыв к «наказанию виновных», а не абстрактный призыв к «совершенствованию законодательства» — на наш взгляд, отражает общую тенденцию к постепенному ужесточению риторики специализированных представителей ОБСЕ по мере углубления содержательного диалога с узбекистанской стороной, что мы расцениваем как позитивный признак зрелости складывающихся отношений: чем менее формальным становится диалог, тем более конкретными и предметными оказываются формулируемые в его рамках рекомендации.

Институциональные проблемы и перспективы дальнейшего развития сотрудничества

Обобщая проведённый в предыдущих главах анализ, мы считаем необходимым в настоящей главе систематизировать выявленные институциональные проблемы взаимодействия Узбекистана с ОБСЕ, которые носят сквозной, межизмеренческий характер, а не относятся к какому-либо одному отдельно взятому направлению сотрудничества.

Первая проблема — фундаментальная, структурная — состоит в принципе консенсуса, лежащем в основе принятия решений в рамках ОБСЕ. Карташкин В.А., анализируя деятельность международных организаций в целом, обоснованно отмечает, что консенсусный принцип принятия решений, характерный для многих международных институтов, обеспечивает высокий уровень легитимности принимаемых решений, но одновременно существенно снижает оперативность и эффективность реагирования организации на возникающие кризисы [52]. Применительно к ОБСЕ данная закономерность проявляется особенно ярко, поскольку правом вето фактически обладает любое из 57 государств-участников, включая само государство, в отношении которого рассматривается тот или иной вопрос человеческого измерения, — именно этим, на наш взгляд, во многом объясняется тот факт, что Московский механизм, рассмотренный нами во второй главе, при формальном отсутствии требования согласия затрагиваемого государства для его инициирования, на практике задействуется государствами-участниками крайне избирательно и осторожно, чтобы не создавать прецедент, который впоследствии может быть обращён против них самих.

Вторая проблема, тесно связанная с первой, заключается в асимметрии ресурсного обеспечения между полноценными полевыми миссиями ОБСЕ, сохранившимися на Балканах и Кавказе, и Координатором проектов в Узбекистане, обладающим существенно более скромным мандатом и, соответственно, ограниченным бюджетом. Ф. Отахонов, докладывавший о правовых основах признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в Узбекистане на международной конференции в Бишкеке, посвящённой шестидесятилетию Нью-Йоркской конвенции, в своих выступлениях по смежной проблематике неоднократно указывал, что эффективность содействия международных организаций реформам в Центральной Азии напрямую зависит от долгосрочности и предсказуемости финансирования соответствующих программ — фактор, которым, к сожалению, не всегда может похвастаться проектная модель финансирования Координатора, зависящая от ежегодного пересмотра бюджета ОБСЕ и готовности отдельных государств-доноров поддерживать конкретные инициативы [9]. Мы разделяем данную обеспокоенность и полагаем, что переход к среднесрочному, например трёхлетнему, программному циклу финансирования деятельности Координатора проектов в Узбекистане — по аналогии с практикой, применяемой рядом других полевых присутствий ОБСЕ, — позволил бы

существенно повысить устойчивость и глубину реализуемых программ, в частности в таких капиталоемких областях, как реформа пенитенциарной системы и профессиональная подготовка сотрудников правоохранительных органов.

Третья проблема, вытекающая из содержания четвертой и пятой глав настоящей статьи, связана с недостаточной институционализацией диалога между различными международными организациями, действующими в регионе Центральной Азии, — ОБСЕ, ООН, Шанхайской организацией сотрудничества и Организацией Договора о коллективной безопасности. Хопманн П.Т., анализируя перспективы построения безопасности на постсоветском евразийском пространстве, справедливо указывает на риск институциональной конкуренции между указанными организациями, обладающими частично пересекающейся повесткой в сфере региональной безопасности [31]. Мы полагаем, что для Узбекистана, последовательно проводящего многовекторную внешнюю политику и являющегося участником сразу нескольких из перечисленных структур, было бы целесообразно выступить с собственной инициативой по формализации регулярного координационного диалога между секретариатами данных организаций применительно к проектам, реализуемым на территории Центральной Азии, — по аналогии с уже существующей, хотя и эпизодической практикой совместных мероприятий, подобных упомянутому в третьей главе настоящей статьи семинару по кибербезопасности с участием представителей государств Центральной Азии, Южного Кавказа и Монголии.

Наконец, четвертая, наиболее общая проблема, к которой, по нашему убеждению, в конечном счете сводятся все рассмотренные в настоящей статье частные затруднения, состоит в сохраняющемся напряжении между принципом государственного суверенитета, последовательно отстаиваемым Узбекистаном во внешней политике, и логикой коллективной ответственности государств за соблюдение принятых в рамках ОБСЕ обязательств, лежащей в основе самой концепции «всеобъемлющей безопасности». Гебали В.-И., анализируя роль ОБСЕ в новой международной среде, обоснованно отмечает, что именно данное напряжение — между суверенным равенством государств и коллективным характером принятых обязательств — составляет неустранимое структурное противоречие всей архитектуры ОБСЕ, а не специфическую особенность отношений Организации с каким-либо отдельным государством-участником [29; 43]. Мы полностью разделяем данный вывод и полагаем, что реалистичная стратегия дальнейшего развития сотрудничества Узбекистана с ОБСЕ должна исходить не из иллюзии полного преодоления указанного противоречия, а из последовательного, поэтапного расширения зон практического взаимодействия — по модели, уже показавшей свою работоспособность в военно-политическом и отчасти в человеческом измерениях, — при сохранении разумного уважения к суверенному праву государства самостоятельно определять темп и содержание внутренних преобразований.

Пятая проблема, которую мы считаем необходимым обозначить отдельно, поскольку она носит скорее коммуникационный, чем сугубо институциональный характер, заключается в асимметрии восприятия деятельности ОБСЕ внутри самого Узбекистана. Национальные официальные источники, как правило, акцентируют внимание на технических достижениях сотрудничества — количестве реализованных проектов, семинаров и программ повышения квалификации [56; 57], в то время как содержательно наиболее значимые, но политически чувствительные документы — прежде всего итоговые доклады БДИПЧ по выборам и референдумам, содержащие критические оценки, — получают существенно менее широкое освещение в национальном информационном пространстве. Мы полагаем, что подобная

асимметрия информирования общественности снижает эффективность самих рекомендаций БДИПЧ как инструмента общественного давления на процесс реформ: если гражданское общество и экспертное сообщество страны не имеют полного и непредвзятого представления о содержании международных рекомендаций, их потенциал в качестве катализатора внутренних дискуссий о путях демократизации реализуется не полностью. В этой связи мы считаем целесообразным рекомендовать Министерству иностранных дел Республики Узбекистан и национальным средствам массовой информации обеспечивать полный, неизбирательный перевод и публикацию итоговых докладов миссий БДИПЧ на узбекском и русском языках непосредственно после их официального опубликования, без выборочного цитирования исключительно позитивных фрагментов.

Наконец, мы считаем целесообразным кратко остановиться на ещё одном, институционально самостоятельном канале взаимодействия, до сих пор остававшемся за рамками настоящего анализа, — парламентском измерении ОБСЕ, реализуемом через Парламентскую ассамблею ОБСЕ. Хотя Олий Мажлис Республики Узбекистан не относится к числу наиболее активных национальных парламентов в рамках Парламентской ассамблеи, участие узбекистанских депутатов в её ежегодных сессиях и профильных комитетах — в частности, в Комитете по демократии, правам человека и гуманитарным вопросам — представляет собой самостоятельный, менее формализованный, чем правительственные каналы, механизм диалога по вопросам человеческого измерения. Мы полагаем, что более активное вовлечение узбекистанских парламентариев в работу Парламентской ассамблеи ОБСЕ, включая профильные комитеты по правам человека, могло бы способствовать формированию дополнительного, менее подверженного дипломатическим ограничениям канала обратной связи между рекомендациями ОБСЕ и национальным законодательным процессом, тем самым частично компенсируя обозначенную нами выше проблему временного разрыва между формулированием рекомендаций БДИПЧ и их систематической проверкой в рамках исполнительной вертикали.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие обобщающие выводы.

Во-первых, участие Республики Узбекистан в деятельности ОБСЕ, начавшееся в январе 1992 года, опирается на комплекс внутригосударственных и международных документов преимущественно политического, а не юридически обязывающего характера, что, как показано в первой главе настоящей статьи, одновременно расширяет пространство суверенного усмотрения республики в имплементации принятых обязательств и структурно ограничивает эффективность реагирования Организации в кризисных ситуациях [2; 11; 12; 46].

Во-вторых, институциональная эволюция присутствия ОБСЕ на территории Узбекистана — от Бюро по связи через Центр в Ташкенте к Координатору проектов — наглядно демонстрирует прямую зависимость мандата полевого присутствия от политической динамики отношений между принимающим государством и Организацией; при этом, как мы показали на примере андижанских событий 2005 года и анализа алгоритма применения Московского механизма человеческого измерения, факультативный характер важнейших процедурных инструментов ОБСЕ существенно

снижает их практическую эффективность именно в наиболее острых кризисных ситуациях [21; 41; 61; 64].

В-третьих, функциональный анализ по трём измерениям безопасности показал разную степень зрелости и различный характер проблем сотрудничества: если военно-политическое измерение развивается на основе достаточно устойчивого консенсуса относительно общих антитеррористических приоритетов [5; 38], то экономико-экологическое измерение страдает от дублирования функций с иными международными институтами [35], а человеческое измерение, наиболее содержательно насыщенное, одновременно наиболее подвержено структурной проблеме дискреционности и непрозрачности критериев, определяющих формат и глубину международного наблюдения, что мы подробно показали на примере алгоритма наблюдательной деятельности БДИПЧ за выборами и референдумами в Узбекистане в 2019–2023 годах [19; 23].

В-четвёртых, предложенные нами в настоящей статье конкретные меры — формализация критериев выбора формата наблюдательных миссий БДИПЧ, введение ежегодного мониторинга имплементации рекомендаций международных механизмов в увязке с Национальной стратегией по правам человека, переход к среднесрочному программному финансированию Координатора проектов ОБСЕ, институционализация координационного диалога между международными организациями, действующими в Центральной Азии, а также обеспечение полного и неизбирательного информирования национальной общественности о содержании итоговых докладов БДИПЧ, — представляют собой, на наш взгляд, реалистичные и совместимые с принципом государственного суверенитета шаги по дальнейшему углублению взаимодействия Узбекистана с ОБСЕ.

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что, по нашему глубокому убеждению, дальнейшее развитие сотрудничества Республики Узбекистан с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе не следует рассматривать ни как одностороннее выполнение внешних требований, ни как чисто формальную дипломатическую практику, лишённую реального содержания. Опыт последнего десятилетия, рассмотренный нами на конкретных примерах — от трансформации мандата полевого присутствия ОБСЕ до эволюции алгоритма наблюдения за выборами, — убедительно показывает, что наиболее устойчивые и содержательные результаты достигаются именно там, где международное содействие опирается на реальную, осознанную потребность самого государства в институциональном развитии. Именно такое понимание сотрудничества — как взаимовыгодного партнёрства, а не как одностороннего надзора, — представляется нам наиболее перспективной моделью дальнейшего взаимодействия Узбекистана с ОБСЕ.

Мы полагаем, что дальнейшие научные исследования данной проблематики могли бы быть с пользой сосредоточены на нескольких направлениях, обозначенных, но не исчерпанных в настоящей статье: на сравнительно-правовом анализе алгоритма наблюдения БДИПЧ применительно ко всем государствам Центральной Азии в целях выявления общих региональных закономерностей; на эмпирическом изучении фактической степени имплементации конкретных, пронумерованных рекомендаций БДИПЧ по итогам избирательных циклов 2019, 2021 и 2023 годов; а также на более глубоком исследовании институционального взаимодействия между ОБСЕ и иными региональными и универсальными структурами, задействованными в Центральной Азии. Мы убеждены, что подобные исследования, продолжающие заложенную в настоящей статье традицию сочетания нормативного анализа с разбором конкретных

практических кейсов, будут способствовать не только развитию отечественной науки международного права, но и выработке практически применимых рекомендаций для дальнейшего совершенствования как национального законодательства Республики Узбекистан, так и институциональных механизмов самой Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Список использованной литературы:

1. Устав Организации Объединённых Наций. Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.
 2. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинкский заключительный акт). Хельсинки, 1 августа 1975 г.
 3. Charter of Paris for a New Europe. Paris, 21 November 1990.
 4. Document of the Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE. Copenhagen, 29 June 1990.
 5. Charter for European Security. Istanbul, 19 November 1999.
 6. Astana Commemorative Declaration: Towards a Security Community. Astana, 1–2 December 2010.
 7. OSCE Strategy to Address Threats to Security and Stability in the Twenty-First Century. Maastricht, 2 December 2003.
 8. Vienna Document on Confidence- and Security-Building Measures (последняя редакция, 2011 г.).
 9. OSCE Code of Conduct on Politico-Military Aspects of Security. Budapest, 1994.
 10. OSCE Document on Small Arms and Light Weapons. FSC.DOC/1/00, 24 November 2000.
 11. Конституция Республики Узбекистан (в действующей редакции).
 12. Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан.
 13. Закон Республики Узбекистан «О международных договорах Республики Узбекистан».
 14. Национальная стратегия Республики Узбекистан по правам человека, утв. Указом Президента Республики Узбекистан от 22 июня 2020 г. № УП-6012.
 15. Официальные заявления Министерства иностранных дел Республики Узбекистан по вопросам сотрудничества с ОБСЕ.
 16. Материалы Постоянного представительства Республики Узбекистан при ОБСЕ.
- Документы и публикации ОБСЕ
17. OSCE Annual Report (последние выпуски).
 18. OSCE Handbook. — Vienna: OSCE Secretariat.
 19. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. Election observation reports and mission announcements: Uzbekistan (Parliamentary elections 2019; Presidential election 2021; Constitutional referendum 2023; Early presidential election 2023). — Warsaw: ODIHR.
 20. OSCE Project Co-ordinator in Uzbekistan. Annual Reports and news materials (2018–2023). — Tashkent.
 21. Decisions of the OSCE Permanent Council: PC.DEC/397 (14 December 2000); PC.DEC/734 (30 June 2006).

22. OSCE Ministerial Council Decisions.
23. ODIHR Election Observation Mission Final Report: Republic of Uzbekistan, Parliamentary Elections, 22 December 2019. — Warsaw: ODIHR, 2020.
24. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. Publications on election observation methodology.
25. High Commissioner on National Minorities. Reports concerning Central Asia. — The Hague: OSCE HCNM.
26. Galbreath D.J. The Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). — London: Routledge, 2007.
27. Bloed A. The Conference on Security and Co-operation in Europe: Analysis and Basic Documents, 1972–1993. — Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1993.
28. Bloed A. The OSCE in the Maintenance of Peace and Security. — The Hague: Kluwer Law International, 1997.
29. Ghebali V.-Y. The OSCE in the New International Environment // Helsinki Monitor. — 2003.
30. Zellner W. The Future of the OSCE // OSCE Yearbook. — Baden-Baden: Nomos, various years.
31. Hopmann P.T. Building Security in Post-Cold War Eurasia: The OSCE and Ethnic Conflict in the Former Soviet Union. — Armonk: M.E. Sharpe, 2000.
32. Kemp W. Quiet Diplomacy in Action: The OSCE High Commissioner on National Minorities. — The Hague: Kluwer Law International, 2001.
33. Freire M.R., Simão L. Conflict and Security in Central Asia and the Caucasus. — Manchester: Manchester University Press, 2015.
34. Allison R., Jonson L. (eds.). Central Asian Security: The New International Context. — Washington: Brookings Institution Press, 2001.
35. Roy O. The New Central Asia: Geopolitics and the Birth of Nations. — New York: I.B. Tauris, 2007.
36. Olcott M.B. Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy, and Regional Security. — Washington: United States Institute of Peace Press, 1996.
37. Cooley A. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. — Oxford: Oxford University Press, 2012.
38. Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
39. Starr S.F. The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia. — Washington: Central Asia-Caucasus Institute, 2007.
40. Bohr A. Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order // International Affairs. — 2004.
41. Hopmann P.T. The OSCE's Role in Conflict Prevention and Conflict Management // OSCE Yearbook.
42. Zellner W. Reforming the OSCE — Making it More Efficient // OSCE Yearbook.
43. Ghebali V.-Y. The OSCE and European Security // Helsinki Monitor.

44. Allison R. Security Cooperation in Central Asia // International Affairs.
45. Roy O. Regional Security after the Cold War // Central Asian Survey.
46. Саидов А.Х. Международное право: учебник. — Ташкент: Адолат.
47. Саидов А.Х. Международное публичное право: учебник. — Ташкент.
48. Нишанов Д.Б. Деятельность Узбекистана в ОБСЕ и НАТО // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2008. — № 2. — С. 90–95.
49. Нуриддинов Э. Международное сотрудничество Республики Узбекистан со странами Европы. — Ташкент: Чулпон, 2002.
50. Формирование основных направлений взаимодействия Республики Узбекистан с международными организациями (на примере ОБСЕ) // Научный вестник. — 2018.
51. Взаимодействие Республики Узбекистан с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в решении актуальных задач страны (1991–2017 гг.): автореф. дис. ... PhD. — Ташкент, 2019.
52. Карташкин В.А. Международные организации: учебное пособие. — М.
53. Лукашук И.И. Международное право: учебник. — М.: Волтерс Клувер, 2005.
54. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право: учебник. — М.: Норма.
55. Бирюков П.Н. Международное право: учебное пособие. — М.: Юристъ.
56. Сотрудничество Узбекистана и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ): аналитический обзор.
57. фон Аркс П. «Узбекистан – один из самых активных государств-участников ОБСЕ» // Uza. — 2022.
58. OSCE Project Co-ordinator in Uzbekistan. Project Portfolio. — Tashkent.
59. OSCE Academy in Bishkek. Publications on Central Asian Security. — Bishkek.
60. SIPRI Yearbook: Armaments, Disarmament and International Security (главы, посвящённые Центральной Азии и деятельности ОБСЕ). — Oxford: Oxford University Press, различные годы.
61. OSCE/ODIHR. Preliminary Findings on the Events in Andijan, Uzbekistan, 13 May 2005. — Warsaw: ODIHR, 20 June 2005.
62. Human Rights Watch. Bullets Were Falling Like Rain: The Andijan Massacre, May 13, 2005. — New York, 2005.
63. Human Rights Watch. «Узбекистан: за шесть лет жертвы андижанской бойни так и не дождались правосудия». — 2011. URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2011/05/12/242913> (дата обращения: 16.07.2026).
64. Helwig J., Schlager E. The OSCE Moscow Mechanism: Theory and Practice // U.S. Helsinki Commission (CSCE) Briefing Report. — Washington, 2017.
65. OSCE. About the OSCE Project Co-ordinator in Uzbekistan. — Vienna/Tashkent. URL: <https://uzbekistan.osce.org/project-coordinator-in-uzbekistan/106110> (дата обращения: 16.07.2026).
66. ADC Memorial. Ilkhamov A. On the Events in Karakalpakstan in Early July 2022 (Speech at OSCE/ODIHR Human Dimension Conference side event). — 2022. URL:

<https://adcmemorial.org/en/articles/alisher-ilkhamov-on-the-events-in-karakalpakstan-in-early-july-2022/> (дата обращения: 16.07.2026).

67. European Union. Statement on the Recent Developments in the Karakalpakstan Autonomous Region in Uzbekistan // OSCE Permanent Council No. 1381, Vienna, 7 July 2022.

68. U.S. Department of State. Press Statement on Protests in the Karakalpakstan Autonomous Region in Uzbekistan. — Washington, 5 July 2022.

69. United Kingdom. Statement in Response to the Report of the OSCE Project Co-ordinator in Uzbekistan // OSCE Permanent Council, Vienna, 9 March 2023.

70. International Partnership for Human Rights (IPHR). Uzbekistan: Pressure on Critical Voices Continues. — 2026. URL: <https://iphronline.org/articles/uzbekistan-pressure-on-critical-voices-continues/> (дата обращения: 16.07.2026).

71. Узбекистан и международные организации: сотрудничество Узбекистана с ООН. URL: <https://www.uzbekistan.org.ua/ru/vneshnyaya-politika/uzbekistan-i-mezhdunarodnye-organizatsii.html> (дата обращения: 16.07.2026).

72. Human Rights Watch. World Report 2024: Uzbekistan (chapter). URL: <https://www.hrw.org/world-report/2024/country-chapters/uzbekistan> (дата обращения: 16.07.2026).

INNOVATIVE
ACADEMY